

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

А. С. Четверухин

**ДРЕВНЕЙШЕЕ АФРАЗИЙСКОЕ ИМЕННОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И РЕКОНСТРУКЦИИ**

Часть I
Становление термина «именное предложение»
Том I
История термина «именное предложение»

С.-Петербург
2007

*Утверждено к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского
филиала Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор:
О. Б. Фролова

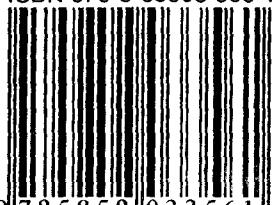
А. С. Четверухин. Древнейшее афразийское именное предложение: проблемы анализа и реконструкции. Часть I: Становление термина «именное предложение». Том I: История термина «именное предложение». — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. — 292 с. (Серия «Orientalia»).

В настоящей книге выявляется аутентичное определение именного предложения как особого типа предикативной конструкции, равноправного с глагольным и наречным в афразийских языках, разработанное, как и сама вышеприведенная синтаксическая классификация, носителями и одновременно исследователями одного из афразийских языков старого состояния — средневековыми арабскими филологами. Путь от момента зарождения исследуемого определения до получения ими «лингвистического статуса» в формулировке Антуана Мейе был чрезвычайно долг, труден и извилист, вплоть до того, что его пришлось открывать как бы заново. Этим и ряду других проблем, сопряженных с основной темой исследования, и посвящается данная монография. Она представляет собой первое и совершенно необходимое звено в цепи построений, исходящих из смысла аутентичного определения. Работа рассчитана не только на египтологов, семитологов и специалистов по иным афразийским языкам.

Автор надеется, что она заинтересует широкие круги специалистов, в частности, тех, кому не чужды проблемы истории лингвистических учений и становления языкоznания как науки.

*Памяти моего отца
Четверухина Серафима Ильича посвящается*

ISBN 978-5-85803-356-1

9 785858 033561

© А. С. Четверухин, 2007
© Санкт-Петербургский филиал Института
востоковедения РАН, 2007
© «Петербургское Востоковедение», 2007

Зарегистрированная торговая марка

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЬЮ	10
I. ПРЕДИСЛОВИЕ	14
II. ВВЕДЕНИЕ	28
III. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРМИНА «ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ» В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЕГО ИСТОКИ В АРАБСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ	97
1. Предварительные замечания (обоснование темы и ее актуальность)	97
2. Специальные исследования по истории термина «именное предложение» применительно к египетскому материалу (Полоцкий, Коэн, Мунэн, Ходж, Контини, Шифер, работы которых свидетельствуют об отсутствии исследований по данному вопросу)	100
3. К истокам термина «именное предложение»	102
3.1. Индоевропеистика → семитология (лидерство индоевропеистики (?); начало обзора с работ индоевропеистов: концепция монографий Степанова; Бенвенист; Мейе; другие исследователи; принципиальная невозможность выработки термина «именное предложение» на индоевропейском материале; продолжение обоснования актуальности темы)	102
3.2. Материал русского языка и несостоявшееся определение «именного предложения» (Потебня и его «интерпретаторы»; диалектический подход Потебни: одновременное возникновение «субъекта» и «действия», «имени» и «глагола» наряду с местоимением; утверждение о «более именном характере предложения» в прошлом, но не постулат о некоей «именной стадии»; Потебня, Мещанинов и Марр и актуальность истории языкоznания как особой дисциплины)	114
3.3. Семитология → египтология? (к возможному истоку определения Мейе)	124
3.4. Египтология ↔ коптология (к истории вопроса о позиции египетского языка в афразийской (макро) семье; исследования по египетской и коптской грамматике: Шампольон, Таттам, Пейрон, Шварце, Улеман, Бругш и их интерпретация того, что позже стало рассматриваться как «именное предложение»; появление термина «именное предложение» в коптской грамматике Штерна в 1880 г.; то же в египетской грамматике Эрмана в	

1880 г.; более поздние упоминания арабской грамматики как источника термина) 125

3.5. A. Эрман, B. Вундт и K. Брокельман (Эрман как первый египтолог, применивший данный термин к материалу египетской грамматики; спор о первичности / вторичности египетских финитных форм посессивного спряжения в работах Эрмана, Зете, Голенищева, Струве и Матье в связи с проблемой переноса модели именного предложения на модель глагольного и подтверждение факта заимствования термина «именное предложение»; кто у кого заимствовал термин?; последняя формулировка Эрмана и возможное влияние Брокельмана; влияние Вундта на Брокельмана; Вундт и «доминирующее представление»; проблемы синтаксического анализа и терминологии, и переход от бинарной к многочленной схеме будущего актуального членения, наметившиеся в труде Вундта; дифференциация «грамматического» и «логического» уровней анализа предложения у Вегенера и ложный выбор Эрмана) 136

3.6. A. Эрман → E. Кауч (загадка «глухих сносок» и первое корректное определение именного предложения в еврейской грамматике Гезениуса-Кауча в 1889 г.; Штойернагель; борьба двух определений именного предложения в гебраистике и арамейстике на рубеже 70—80-х гг. XIX в.) 160

3.7. E. Кауч → T. Нёльдеке (Кауч; Альбрехт; Штаде и его тезис о прimate имени и вторичности глагола — первая возможная попытка свести все типы предложения к именному в афразийской лингвистике) 163

3.8. B. Штаде, T. Бенфей и T. Нёльдеке, общее языкоzнание первой половины XIX века и влияние работ T. Нёльдеке на развитие синтаксической теории в семитологии и смежных областях (Бернарди; Шлегель; Бопп о семитских языках, о национальных грамматических школах и его система эволюции «односложных корней» в «имена» и «глаголы», «местоимения» и «частицы»; исследования Нёльдеке и его трактовка «перестроенных процессов» в новосирийской грамматике в связи с проблемой именного предложения в 1868 г.; положения Нёльдеке о конструировании именного предложения в семитских языках; развитие взглядов Нёльдеке и первое развернутое определение понятия «именное предложение» 1880 г.; формулировка Нёльдеке как прототип определений Эрмана и Штайндorфа) 165

3.9. Семитология → арабистика (Альбрехт об именном предложении в еврейском языке и его трактовка связи как вторичного явления, в особенности глагольной; значение этой ста-

тьи; направление дальнейших поисков в области европейской арабистики)	175
3.10. А. И. Сильвестр де Саси (первое определение именного предложения в европейском языкоznании и вероятные предпосылки для его возникновения; грамматика Пор-Руайяль о предложении; возможный ход эволюции представлений А. И. Сильвестра де Саси, приведший к первому научному определению именного предложения)	179
3.11. Арабская грамматическая традиция и европейская арабистика рубежа XIX—XX столетий по вопросу о предложении (Пауль → Рекендорф; универсальные принципы построения предложения, действенные как для индоевропейских, так и для семитских языков, по Паулью; к проблеме определения понятия «предложение»; «глухая сноска» Мейе на Рекендорфа (?); статья-автоаннотация Рекендорфа 1899 г. и его монография 1895 г.; краткий обзор темы развития термина «именное предложение» в европейской лингвистике XIX—начала XX в. вплоть до работ Мейе)	183
3.12. Принципы традиционной синтаксической классификации в изложении традиционной европейской арабистики и попытки ее теоретического осмысления (необходимость анализа традиционного определения; Гранде и его трактовка традиционного определения именного предложения; место именного предложения в его синтаксической классификации; проблемы самой классификации и функции финитного глагола; Реперовская о позиция и функции глагола в структуре предложения; тривиальный вопрос о соотношении «предикативности», «глагольности» и «сказуемности» и его решение в грамматике Гранде; проблема позиции финитного глагола в арабском предложении; противоречие в дефинициях именного и глагольного предложений применительно к материалу арабской грамматики; пример расхождения формально-грамматического и логико-грамматического анализа предложения; антиципация и «двуликое предложение» в трактовке Гранде; попытки интерпретации различия между именным и глагольным предложением у Гранде; противоречия в синтаксической классификации арабского материала; порядок слов и характер согласования подлежащего и сказуемого в арабском языке; связь предикативной синтагмы с синтагмой непредикативной определительной в освещении работ по афразийскому языкоznанию и позиция Дьяконова относительно порядка слов в семитских языках; расподобление определительно-предикативной и определительно-непредикативной синтагм и изменение словопорядка в предложении ради усиления экспрессии)	191

сивности сообщения; сравнительно-сопоставительный материал в интерпретации Панфилова; связь изменения порядка слов с позицией и общей ролью логического ударения; два логико-грамматических порядка слов или нейтральная и экспрессивная структуры предложения; данные средневековых и современных арабских диалектов; «новая арабская грамматика» об именном и глагольном предложениях в традиционной синтаксической классификации)	191
3.13. Термин «именное предложение» у Сибавейхи (защитил ли Райт «чистоту» арабской национальной грамматики, и если да, то от кого?; почему усилился интерес к синтаксису семитских языков в 70—80-е гг. XIX в.?; издание, перевод и комментарий едва ли не самого авторитетного источника по арабской грамматике — «Книги» Сибавейхи; толкование термина «'аль-ибтида'» у Сильвестра де Саси, Яна и Ройшеля; два уровня синтаксического анализа в арабской национальной грамматике)	222
3.14. Лексические данные о первоначальном значении и происхождении термина «ибтида» (Сильвестр де Саси; другие источники; Лейн; общеафразийские этимологические данные)	231
3.15. Две позиции относительно интерпретации термина «джумлятун исмийяту» в европейской арабистике (Сильвестр де Саси; Глер; Верные; другие источники; грамматика Каспарии—Мюллера; о необходимости дальнейшего поиска истоков этого термина)	234
3.16. К становлению некоторых терминов и их содержания в арабской национальной грамматике ('аз-Забиди, 'аль-'Анбари и толкование Вайля; к проблеме истоков морфологической классификации по частям речи; 'аль-Мутарризи, его синтаксическая классификация, состав простейшего предложения и указание на то, что есть «джумлятун исмийяту»)	241
IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	251
V. ПОСЛЕСЛОВИЕ	255
ЛИТЕРАТУРА	257
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	283
SUMMARY	286

К читателю

* * *

Предлагаемое исследование представляет собой серию монографий, стержневой темой которых является анализ и реконструкция древнейшего афразийского именного предложения. Эта реконструкция, будучи отправной точкой, предполагает исследование синтаксических систем афразийских языков старого состояния. Материалом служит старо- и среднеегипетский, старо- и среднеаккадский, эблитский и арабский классический. Привлекаются сравнительно-исторические и сравнительно-сопоставительные данные других языков. Исследование в значительной мере представляет собой результат предшествующей многолетней кропотливой работы. Автором опубликовано 40 статей, имеющих отношение к комплексу исследуемых проблем. При анализе египетского материала автор ориентируется на сравнительно-исторический материал афразийских языков и на структурно-типологические параллели. В последующих частях исследования мы намерены сделать акцент на морфо-синтаксическом анализе. Конечной целью является реконструкция, которая должна способствовать выявлению позиции египетского языка в рамках контенсивной типологии. Реконструкция актуальна и для собственно египетского языкознания, поскольку должна позволить выявить систему словоизменительной и отчасти словообразовательной флексии в староегипетском языке. Тем самым она должна способствовать хотя бы частичному решению некоторых проблем реального понимания и прочтения египетской словоформы на заре письменной истории египетского языка.

* * *

Предлагаемая часть I тома I представляет собой первую часть вышеобъявленной монографической серии. Она является отправным пунктом для дальнейших построений. В ней выявляется аутентичное определение именного предложения как особого типа предикативной конструкции, равноправного с глагольным и наречным в афразийских языках, разработанное, как и сама вышеприведенная синтаксическая классификация, носителями и одновременно исследователями одного из афразийских языков старого состояния — средневековыми арабскими филологами. Путь от момента зарождения исследуемого определения до получения им «лингвистического статуса» в формулировке Антуана Мейе был чрезвычай-

но долг, труден и извилист, вплоть до того, что его пришлось открывать как бы заново. Этим и ряду других проблем, сопряженных с основной темой исследования, и посвящается данная монография. Она представляет собой первое и совершенно необходимое звено в цепи построений, исходящих из смысла аутентичного определения. Работа рассчитана не только на египтологов, но и на семитологов, а также на специалистов по иным афразийским языкам.

Автор надеется, что она будет интересна тем, кому не чужды проблемы истории лингвистических учений и становления языкоznания как науки.

К читателю

Увлеченные своими лингвистическими изысканиями, мы, как правило, мало заботимся об исконном смысле терминологии, на которой основываемся. Еще меньше нас интересуют истоки наших собственных представлений в той или иной лингвистической отрасли. Автор говорит «мы», потому что до сравнительно недавнего времени он не представлял собой исключения. Казалось вполне естественным заглянуть в историю того или иного вопроса вглубь, максимум лет на 50—80, и достаточно. Тем не менее, занимаясь проблемами египетского именного предложения довольно длительный период, автор пришел к выводу, что решение многих проблем в этой области упирается в нерешенность главной: откуда взялся в египтологии этот термин и что он обозначал первоначально?

История языкоznания является вполне самостоятельной и равноправной дисциплиной, и здесь, как и в отраслях языкоznания собственно, накопилось огромное количество неразрешенных проблем.

Одной из них является проблема «именного предложения». Сам термин не представляет интереса лишь на поверхностный взгляд. Если к нему отнесись внимательнее, он предстанет в противоположном свете, с каких сторон на него ни поглядеть. Но в этом едва ли признается подавляющее большинство синтаксистов, занимающихся этой проблемой, или когда-либо касавшихся ее на материале различных языков мира, в том числе таких, как финно-угорские или индоевропейские.

Не без основания полагают, что в научный оборот этот термин был введен Антуаном Мейе в 1906 г. применительно к материалу индоевропейских языков. Негласно делается вывод, что А. Мейе вообще был первым, кто ввел в оборот этот термин, хотя на самом деле это не так. Практика показывает, что даже в индоевропеистике этот термин не смог утвердиться и отнюдь не получил должного «лингвистического статуса», на что надеялся его «первооткрыватель» и что поспешили продекларировать некоторые из его продолжателей.

В русской грамматике этот термин не прижился, равно как и в работах по синтаксису восточнославянских языков. И это несмотря на то, что данный материал вкупе с таковым балтских языков дает полное на то основание. Почему же это произошло, если «именное предложение» приобрело «лингвистический статус»?

Вопреки мнению Антуана Мейе, взявшего определение именного предложения, как минимум, «из третьих рук», этот термин в реальности отнюдь не однозначен. Есть все основания полагать, что в оригинальной теории, откуда он был заимствован, он мог обозначать любое предложение, начинающееся с имени и содержащее глагольную связку. Но что это за теория и правильна ли она была понята теми, кто занимался ее изучением?

Если «именное предложение» — всякое, начинающееся с имени, то в разряд такого предложения попадает почти все индоевропейское предложение, имеющее обыкновение начинаться с грамматического подлежащего и содержащее в своем составе личную форму глагола. Если так, то определение А. Мейе было бы ложным, как и все его построение на основе позаимствованного понятия. Возникает вполне закономерный вопрос: почему А. Мейе даже не догадывался об этом? Или умалчивал об альтернативном толковании термина «именное предложение»? Что это — «фигура умолчания» или вполне сознательный выбор?

Остается открытым и вопрос, почему такие крупные исследователи, как Э. Бенвенист и Л. Ельмслев, слепо доверились определению А. Мейе и даже не потрудились поинтересоваться, корректна ли трактовка этого термина у А. Мейе?

Если термин «именное предложение» в оригинальных источниках можно было истолковать в духе, отличном от того, в котором он истолкован у А. Мейе, то как относиться к изысканиям А. Мейе в этой области и к трудам его последователей?

Неточность, допущенная на начальном этапе становления некоторой лингвистической гипотезы, в состоянии породить дальнейшие ошибки, которые в конце концов сведут на нет эту гипотезу, внешне четкую в начале своего формирования.

Опять же, гораздо раньше, чем в индоевропеистике, этот термин был приложен к материалу семито-хамитских (или, в интерпретации И. М. Дьяконова, афразийских) языков. Причем к материалу языков древне- и старописьменных.

В 60—70-е гг. XIX столетия этот термин был введен в семитологию, несколько позже — в египтологию и коптологию. Но в отличие от индоевропеистов, безоговорочно принявших этот термин с вполне однозначным содержанием, специалисты по афразийским языкам испытывали долгие колебания относительно того, какое

именно содержание ему придать: следует ли понимать под ним предложение, начинающееся с имени и только, либо такое, оба главных члена которого представлены именами. Процесс выбора содержания этого термина затянулся на целые десятилетия, и однозначное определение содержания этого термина было утверждено «негласным общим консенсусом» семитологами, египтологами и коптологами в интервале между 1880 и 1916 гг. При этом никто даже не сослался на работы А. Мейе. Но и корректность такого выбора доказана не была никем.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что «в оппозиции» осталось едва не большинство арабистов, многие из которых решительно полагают до сих пор, что термин «именное предложение» следует понимать как «предложение, начинающееся с имени». Спрашивается, насколько обоснована неколебимость такой позиции, насколько правомерно такое противопоставление данного толкования позиций всех остальных отраслей регионального и общего языкоznания и имеет ли смысл вообще идти вразрез с «общепринятым» мнением? И вообще, имеет ли оно место?

Уже из этого можно заключить, что полемика вокруг именного предложения вовсе не курьез, случайность или мелочь: ведь речь идет о правомерности синтаксической классификации во многих языках мира, где именное предложение как тип противополагается предложению глагольному как равноправному типу, что, вместе взятое, образует минимальный бином, вокруг которого развертывается более подробная классификация, сообразованная с особенностями синтаксического материала того или иного языка.

Не мелочью является и проблема вхождения глаголов бытия в конструкцию именного предложения, если считать, что конституентами его являются имена. Тогда как рассматривать имя, выступающее в предикативной функции — как самодовлеющую единицу или как «смысловую часть» составного именного сказуемого? Над этой проблемой бьется уже не одно поколение лингвистов. Но, может быть, они занимаются этим зря, коль скоро исходное определение некорректно?

От решения этой проблемы, равно как от проникновения в суть функции «связочного» глагола, зависит решение проблемы его отнесения к «глубинной» или к «поверхностной» структурам. А может быть, такая постановка вопроса вообще лишена реального смысла?

И уж вовсе не мелочью является утверждение о синтаксической структуре какого-нибудь языка, что она «сплошь глагольная» или «сплошь именная», не оставляющее место альтернативному типу предложения и разрушающее бином, о котором речь шла выше.

Можно, конечно, объявить, что какие-то языки, например, индоевропейские, являются «абсолютно глагольными», и успокоиться на том. Но тогда конкретная речевая реализация этих самых языков будет постоянно давать примеры обратного, будь то древние или современные языки.

Можно, конечно, объявить, что какой-то язык является «абсолютно именным». Но тогда встает закономерный вопрос: это что, язык изолирующего морфологического типа наподобие китайского или вьетнамского? Если так, то некорректен сам подход к классификации частей речи в этом языке, не говоря уже о синтаксической классификации, или дело заключается в чем-то совсем ином? Почему же тогда большинство исследователей упорно продолжает различать в этом языке глагол и имя? Или это привычка, взятая из «школьного анализа» синтаксиса «материнского языка» исследователя, и не более?

В последнем случае мы имеем в виду и древнеегипетский язык. Это не только древнейший из письменных языков мира, но и язык, обладающий едва ли не самой длительной письменной традицией, — язык, материал которого показателен во многих отношениях. И давать характеристику подобного типа синтаксису такого языка — значит брать на себя величайшую ответственность не только перед египтологами, но и перед лингвистами других профилей. Понимает ли это автор, которого мы имеем в виду, и целая группа сочувствующих ему исследователей, используя прием «глухой сноски»?

Но даже если это и так, не является ли это подтверждением гипотезы («теории») Н. Я. Марра и целого ряда его фактических предшественников — исследователей XIX столетия? Это в соответствии с их гипотезами имя было первичным, а глагол — вторичным явлением в языке.

Вот примерный круг проблем, который мы не можем обойти ни в данном исследовании, ни в серии в целом. Здесь же, в томе первом части первой, делается акцент на установление источника термина «именное предложение» и того определения, которое можно было бы считать исходным и аутентичным.

I. ПРЕДИСЛОВИЕ

Стратегия исследования. Предлагаемая работа представляет собой первую часть серии монографий, посвященных попытке морфосинтаксической реконструкции древнейшей фазы развития письменного языка образованной части египетского общества III тыс. до н. э. Автор полагает, что реконструкция должна базироваться, с одной стороны, на минимальном смысле самодовлеющей синтаксической структуры, выразителем которой, вслед за многими лингвистами, он считает предложение (а не словосочетание, тем более не словоформу), с другой — наrudиментарном в египетском и обильном в семитских языках старого состояния морфологическом материале. В случае оптимальной комбинации сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного анализа морфологической структуры древнейших письменных афразийских языков мы можем получить представление о системе староегипетской словоизменительной и словообразовательной морфологии. Только комбинация разных видов синтаксического и морфологического анализа может позволить реконструировать план содержания и план выражения минимального самодовлеющего смысла в египетском языке старого состояния — смысла, который, подчеркнем, выражен прежде всего предложением. Чем строже окажется устанавливаемая корреляция, тем правдоподобнее получится реконструкция. Естественно, большое внимание уделяется реконструкции словоизменительной морфологии непредикативных синтаксических конструкций.

Тактика исследования. Можно было бы идти от описания и анализа конкретного материала к обобщению фактов, т. е. от «текстуальной эмпирики» к теории, либо наоборот — от выработанного в общей теории определения или гипотезы к его/ее проверке на конкретном материале. В общих чертах представляя себе как бу-

дущее теоретическое построение, так и эмпирические данные, автор счел целесообразным избрать иной путь: от установления базового определения «именного предложения», на анализе которого делается основной акцент, к спиралеобразному анализу и синтезу эмпирических данных и к выводу общих положений.

Актуальность темы «именное предложение» определяется тем, что:

1. «Именное» и «глагольное» предложения продолжительное время были «двумя столпами» египетской синтаксической классификации, но определение содержания термина «именное предложение» претерпевало колебания в широких пределах: от включения в его состав «ложноглагольных конструкций» до сужения его объема «предложениями тождества» (см. [Четверухин 1981; Polotsky 1987, 12—16; Schenkel 1990, 125]). Каков же все-таки его реальный состав?

2. В ходе развития представлений о египетском синтаксисе были моменты, когда роль именного предложения как особого типа преуменьшалась (см. там же). Оправдано ли это?

3. Сам термин «именное предложение» возник в египтологии как-то внезапно и под явно посторонним влиянием. Каким?

4. В староегипетской грамматике Эльмара Эделя [Edel 1955/1964, 443, 464, 476] мы застаем четкую классификацию на «Sätze mit verbalem Prädikat», «Sätze mit adverbalem Prädikat» и на «Sätze mit nominalem Prädikat». Оправдано ли то, что все три типа относятся к «высшему рангу», т. е. являются «титульными»?

5. Неочевидно место «наречного», или «адвербиального», типа. Тип ли это или подтип именного предложения? Даже национальная арабская грамматика непоследовательна в этом вопросе. В отношении языков других семей вопрос о выделении «наречного предложения» в отдельный тип практически не ставится, разве что в греческой грамматике Эд. Швицера (см. [Polotsky 1987, 4]).

6. Еще более неопределенное положение в синтаксической классификации именное предложение занимает в аккадистике (см. [Buccellati 1968]) и в арабистике, вообще в семитологии и афразийской лингвистике (см. [Cohen 1984]).

7. В силу расплывчатости синтаксических классификаций и того, что исходным пунктом признается смысл предложения, проблематика исследования неизбежно выходит за рамки именного предложения и затрагивает два других типа, которые мы (вслед за Э. Эдлем) признаем «титульными» для, как минимум, египетского языка старого состояния: речь идет о «наречном» и «глагольном» предложениях. Есть объективные черты, сближающие именное предложение с каждым из этих типов. Но каковы они? И можно ли говорить о «релевантных признаках» каждого типа?

8. В трудах Х. Я. Погоцкого и Э. Х. Гардинера подчеркивается особая роль предложений наречного типа. Эта тенденция сохраняется до сих пор, что яствует из работы [Schenkel 1990, 134—136], разд. «Сituативные элементы: Глагольное и наречное предложение». Выдержку приведем *in extenso* в оригинале из-за ее значимости и во избежание искажений нюансов авторского текста, сохранив, как и в последующих наших комментариях к ней, транслитерацию оригинала; разрядка цитируемого автора, курсив наш:

«Den Verbalsätzen des jüngeren ägyptisch-Koptischen entsprechen grosso modo Sätze mit einem situativen Element, gefolgt von einer Verbalform ... Solche Situativa sind vor allem:

(1) *iw* und *ḥ̣n.n*; z.B. *iw sdm.n=f* «er hat gehört» (*iw* zur Sachverhaltsaktualisierung: прäsentisches Perfekt)

ḥ̣n.n. sdm.n=f «dann hörte er» (Erzählform)

(2) *m=k* / *m=t!* *m=tn* und *iṣt* u.ä.; z.B. *m=k sdm.n=f* «siehe, er hat gehört» («Прäsentativ»)

iṣt sdm.n=f «inzwischen / bekanntlich hörte er»

(3) Negation *n*, z.B. *n sdm=f* er hat nicht gehört / er hörte nicht»

n sdm.n=f «er hört nicht» (Tempus Generalis)

In Fall (1) und (2) kann z.T. das Subjekt / Agens auch schon hinter dem situativen Element stehen und dann in der Verbalform ein zweites Mal; z.B.

iw(=f) sdm=f «er hört» (Tempus Generalis)

m=k ʃw sdm=f «siehe, er hört, wörtl.: siehe ihn, indem er hört»

In konstruktiver (syntaktischer) Hinsicht unproblematisch scheint Gruppe (2) zu sein. Auf das situative Element folgt stets ein substantivischer Ausdruck als Objekt, sei es das Subjekt / Agens (gefolgt evtl. vom *Verb in adverbialer Funktion*), sei es das Verb in der substantivischen Form.

Проблематично является интерпретация синтаксических связей (1) и (3).

Für (1) hat Hans Jacob Polotsky nachgewiesen, daß die Verbalform die im (adverbialen) Umstandssatz gebräuchliche ist. Минимум трех различных решений на основе этого базиса возможен:

(1.1) Es handelt sich um einen Satz, состоящий из синтаксического элемента (евтл. gefolgt von Subject / Agens) plus последующего обстоятельства; z.B.

iw sdm.n=f «(Es) ist, nachdem er hörte».

iw=f sdm=f «Er ist, indem er hört».

(so Polotsky)

(1.2) Es handelt sich оn Adverbialsatz, z.B.

[*iw*] *S [sdm.n=f] P* «[Daß der Fall ist (o. ä.)] *S* [(ist), nachdem er hörte] *P*».

Evtl. mit Übereinanderlagerung zweier Adverbialsätze, z.B.

[*iw*] *S [[=f] S [sdm=f] p] p* [Daß der Fall ist (o. ä.)] *S* [(ist), indem er] *S* [(ist), indem er hört] *p] p*».

(so Junge)

(1.3) *Es handelt sich schlicht um einen Verbalsatz, der zur Partikel wird*, als erstem Element, gefolgt von einem Verbalsatz; z.B.

iw sdm.n=f «So ist (es): Er hat gehört».

iw=f sdm=f So ist er: «Er hört».

(Die Beobachtung, daß die Verbalformen die des Umstandssatzes sind, ist dann so zu interpretieren, daß der in Rede stehende *Verbalsatz adverbial eingebettet werden kann*). (so jetzt Verfasser).

Идея приравнивания обстоятельственной функции к наречной конструкции, и только, представляется нам искажением реального положения дел в египетском (и любом другом) синтаксисе. Crux philologorum *iw* est. Его трактуют как угодно: как глагол бытия дефектного спряжения, произошедший, видимо, из глагола *iw* «to come» [Gunn 1924, 98, n. 1; Gardiner 1950, 29, 37, 117]; как бытийный глагол в функции «квантора предикативности» [Коростовцев 1968]; как частицу, этимологически идентичную статус-про-субстантиву *iw* [Schenkel 1987, 73 = 1989, 73]; как статус-частицу или констатирующую частицу [idem 1991, 78]; как ситуативный элемент (см. в цитате выше); как «транспонент» [Polotsky 1987, 2] (т. е. элемент, переводящий словоформу или конструкцию из одной категории в другую в зависимости от синтаксической функции: глагол — в наречие, глагольное придаточное — в наречно-обстоятельственное и т. п.) и т. д. Спрашивается, насколько все это надежно? Не рискованно ли, даже не пытаясь интерпретировать морфологическую структуру «элемента» *iw*, его трактовку обосновывать внешними структурно-синтаксическими моментами? А ведь именно реконструированное строение этой формы может подсказать, каким образом можно вероятнее всего объяснить ту или иную ее функцию в предложении, да и вид предложения как таковой. Ср. процедуру, которую мы применили к фономорфологической реконструкции ряда служебных морфем: [Четверухин 1988a; 1989; 1989a; Chetverukhin 1988; 1990a; 1993]. «Про-субстантив» есть не что иное как «местоимение». Так что же все-таки представляет собой *iw*? Наречие? Бытийный глагол? Местоимение? Или частицу? Тогда какую — дейктическую или релятивную? В пользу последней свидетельствует, вероятно, то, что даже поздняя коптская форма *εycswtī* наряду с функцией презентической формы второго времени, используемого при логической подчеркнутости одного из членов предложения, и с функцией презентической обстоятельст-

венной формы имела (сохраняла) также значение презентической *относительной* формы к имени слабой детерминации [Ернштедт 1986, 595, 633]. Коптское *ε* — восходит к египетскому *iw*.

Так возникает подозрение, что различные функции одного и того же *iw hic et ubique* определялись тем, как сами носители языка мыслили свои высказывания (как главные, т. е. несущие основную информацию, или как второстепенные, т. е. несущие вспомогательную информацию), на что ставили смысловой акцент и как выражали это супрасегментными средствами (паузами, ударениями и интонациями). Кое-что явствует из контекста. Кое-что выражалось сегментными средствами. Супрасегментные средства, естественно, имплицитны. Поэтому стремление основываться исключительно на чисто структурно-формальных моментах не может дать четкой картины в принципе.

Коптский язык представляет собой последний этап развития египетского языка и может быть отнесен к языку нового или даже новейшего состояния. Но вот как определяет функцию *iw* для начального этапа развития египетского языка нового состояния, т. е. для новоегипетского, М. А. Коростовцев [1968, 103]: «Предикативность, выраженная посредством *iw*, является свойством и главных, и вспомогательных предложений, поэтому наличие *iw* ни в какой степени само по себе не указывает на функцию предложения: является ли оно главным или вспомогательным».

Как показывает материал египетского языка среднего состояния (среднеегипетский) в изложении Э. Х. Гардинера, *iw* употребляется как в главных, так и в придаточных предложениях с финитными формами посессивного спряжения, причем употребление в придаточных имеет тенденцию превалировать над таковыми в главных [Gardiner 1950, § 461—468]. Современные толкования *iw* и вводимого им предложения фактически основаны на следующем толковании [Op. Cit., 384, § 461]: «In the compound verb-forms *iw sdm.f*, *iw sdm.n.f* and the passive *iw sdm.f* the function of *iw* is more difficult to determine. A possible view would be that it has become a particle, somewhat like *hr*. But more probably *iw*, as thus employed, should be regarded as an impersonal statement, «it is», i. e. «the situation is», the following *sdm.f*, *sdm.n.f* or passive *sdm.f* form being a virtual adverb clause (§ 215) serving as predicate of *iw*». (Курсив наш; транслитерация Э. Х. Гардинера — А. Ч.). Читаем § 215: «Virtual clauses of circumstance used as predicate. — We must mention here some rare but interesting examples where a virtual clause of circumstance is used as an adverbial predicate after *iw* or *wnn* (cf. § 117—118)... The last quotation exemplifies the construction noun + old perfective ... Obs. Not improbably such compound tenses as *iw sdm.f*, *iw sdm.n.f* should be explained under this head; see below § 461».

Здесь наблюдается следующее: функциональное отождествление наречного предложения, сказуемое которого может состоять из собственно наречия, группы «предлог + имя» и по аналогии «предлог + инфинитив» с предложением, сказуемое которого представлено формой качества и состояния (см. [Петровский 1958, 223—229]), родственной семитскому перфекту и аккадскому стативу, по линии семантики обстоятельственности. Учитывая, что *iw* обычно вводит предложения с наречным сказуемым, эта его особенность генерализируется и на остальные предикативные конструкции. Принимается во внимание тенденция *iw* выступать в предложениях, функционально воспринимаемых как придаточные. Осуществляется перенос понятий: «наречное» на «глагольное с формой качества и состояния», а затем и на «предложения с финитными формами посессивного спряжения в функции придаточных обстоятельственных». Отсюда возникает смешение формально-конструктивного аспекта предложения с функционально-семантическим как в умах исследователей, так и в соответствующей терминологии. И, как следствие, глагольное придаточное предложение отходит в сферу наречного из-за сходства функции и семантики.

Заметим, что в § 461 имеется весьма любопытное примечание: «Obs. 1. It is hardly possible to regard *sdm.f* in *iw sdm.f* as a *virtual noun clause* acting as subject of *iw*, for this would yield the meaning «that he hears is», i. e. «exists», or «comes about»; we have no warrant for a use of *iw* with existential meaning».

Последнее замечание спорно: ведь сам же Э. Х. Гардинер в том же издании своей грамматики, § 468,3, пишет: «...как правило, *iw* не может предшествовать независимым местоимениям. Тем не менее, есть несколько исключений во фразах с семантикой независимости / обособленности суждения (detachment) или эмфазы: *iw grt ink ir tp mdhw rwdt* «more over, it was I who acted as head of the hewers of sandstone»; *iw ink hsy Hthr mfk(?)t* «Indeed, I was favourite of Hathor of the turquoise»». Все эти «более того, действительно, поистине, воистину» и т. д. вполне возводимы к «есть, существует», ср. рус. «есть такое дело» в различных функциях. Из семантики «есть» может вытекать и «дело в том, что» и т. д., см. выше цитату из работы В. Шенкеля. Но это еще что! Если уж вышеприведенные предложения трактовать как наречные, то к наречию, притом в функции сказуемого, ближе окажется именно *iw*, а не то, что за ним следует. Если же предложения трактовать как именные, то именным сказуемым (не уступая рекомендации Э. Х. Гардинера) будет все то же *iw*, и тогда оно оказывается чем-то вроде «просубстантива» В. Шенкеля. А что такое «про-субстантив», как не «указательное местоимение»? Более того, даже не в предложениях

вышеуказанного типа (именных), а в предложениях, которые мы рассматриваем как глагольные, Ф. Юнге [Junge 1978, 141] и Х. Затцингер [Satzinger 1985, 78, Abb. 1] рассматривают *iw* как элемент, фигурирующий в функции «именной фразы» или просто «имени». Х. Затцингер добавляет: «...по моему мнению, *jw* в историческом аспекте можно, во всяком случае (*allenfalls*), рассматривать как «именную фразу» или нечто подобное». (В цитатах выше курсив наш. — А. Ч.; Х. Затцингер — вслед за Э. Эделем — пишет *iw* как *jw*.) Исходя из всего этого, случаи, приводимые Э. Х. Гардинером в § 469,3, позволительно толковать в смысле, обратном его же толкованию в § 451, примеч. 1. Добавим, что, по наблюдениям Э. Эделя [Edel 1955 / 1964, 446, 449], в египетском языке старого состояния, т. е. староегипетском, «*das Wörtchen jw*» вводит самостоятельные (независимые) главные предложения, а обстоятельственные начинает вводить лишь к концу 6-й династии.

Суммируя, можно утверждать, что *iw* — с максимальным учетом всех достижений современной египетской лингвистики — в терминах частей речи может рассматриваться как имя, демонстратив, глагол и частица — дейктическая и релятивная. Предложения, вводимые этим «словечком», могут быть как главными, так и придаточными. На начальном этапе развития письменного египетского языка оно фигурировало преимущественно в главных предложениях. На различных уровнях анализа предложения оно может толковаться как предикат, в других случаях — как актуализирующая частица (логико-грамматический и/или логико-семантический уровень), на формально-структурном («школьном») — как глагол-связка, составная часть сложного глагольного и сложного адвербального сказуемого; в семантическом структурном синтаксисе — как детерминант; в генеративном синтаксисе — как именная фраза и просто имя в функции субъекта и т. д. Тип предложений, в котором выступает это «словечко», определяется как глагольный, наречный и именной, независимо от состава. К семантике *jw* см.: [Четверухин 2004].

Из этого следует, что опираться на дефиниции именного предложения, бытующие в современной египтологии, невозможно, как невозможно обойтись без интерпретации формы и функции *iw*. Последнее мы намереваемся сделать уже в следующей части серии. Но тем более актуален поиск аутентичного определения именного предложения.

9. В ходе дискуссии о наличии и маркировке в египетском языке «эмфатических» и «неэмфатических» глагольных форм или времен Ханс Якоб Погоцкий [Polotsky 1971, 94—95 = 1965, 24—25] выдвинул тезис, мимо которого не хотелось бы пройти: «Априорно

можно предположить, что дистрибуция инициального индикатива и обстоятельственных форм в том виде, в каком мы застаем ее в среднеегипетском, не отражает первоначальной картины. По крайней мере в отношении форм суффиксального спряжения можно утверждать, что простые формы едва ли были с самого начала ограничены в своем использовании в той позиции (неначальной. — А. Ч.), в которой мы застаем их в среднеегипетском. Следует предположить, что изначально они, по-видимому, были способны занимать первую синтаксическую позицию. Такое предположение базируется прежде всего на человеческом опыте, согласно которому простое исторически предшествует сложному. Это соображение подкрепляется материалом близких аналогий в семитских языках. Это аналогии двоякого рода. С одной стороны, имперфект древнейших семитских языков имеет тенденцию вытесняться из независимой позиции и быть ограниченным до употребления в функции зависимой формы или сослагательного наклонения (субъюнктива). Для того, чтобы использовать имперфект в начальной позиции в функции индикатива, его следует дополнить какой-нибудь служебной морфемой. Этот феномен был недавно исследован в работе [Rundgren 1963]. С другой стороны, сложные глагольные времена в арабском и других языках уже давно признаны как первоначально обстоятельственные придаточные, «изначальные» («ursprüngliche») или «застывшие обстоятельственные предложения» («erstarnte Zustandssätze») [Reckendorff 1898, 549; Brockelmann 1913, § 321—328].

Такая постановка вопроса о египетских глагольных формах, да еще подкрепленная материалом родственных языков, дает возможность предположить, что «простые афразийские глагольные формы» имели в древности как обстоятельственную, так и необстоятельственную семантику, и могли использоваться как в главном, так и в придаточном предложениях. Это в целом подтверждается староегипетским употреблением глагольных форм *sdm.f*, *sdm.wf* и *sdm.n.f* [Edel 1955/1964, 213 ff.]. Но если признать за ними функцию передачи обстоятельственной семантики как первичную, то необходимо искать либо специальный морфологический маркер этой семантики, либо доискиваться до какого-то глубинного свойства лично-местоименных показателей глагольных парадигм. Что касается египетского, то здесь следует обратить особое внимание на нерегулярно выписываемые маркеры *j-* / *i-*, *-j-* / *-i-* и *-j* при финитных и девербальных формах, ср. [Edel 1955/1964, 201; Erman 1933, 117]. Следует учесть, что обстоятельственная семантика является разновидностью определительной, а определительная семантика могла выражаться посредством релятивного маркера.

Жаль, что эти проблемы никак не затронуты в работах [Loprieno 1989; 1988a].

Если на эту же проблему взглянуть с точки зрения развития «эмфатических» и «неэмфатических» времен, то следует, вероятно, руководствоваться действием универсального закона постоянного обновления инвентаря средств, выражающих экспрессивность. Следует учесть и действие закона «спирали», реализующегося как бы через «циклическое развитие» (см. [Юдакин 1984, 118]).

Последние замечания относятся и к эволюции именного предложения в диахронии «староегипетский—коптский», если основываться на дефиниции и материале работ [Sethe 1916; Callender 1984]. Можно отметить как черты обновления экспрессивных средств, так и циклического развития. Жаль, что эти проблемы меньше всего интересуют исследователей.

10. Несмотря на вышеуказанные явления, структура именного предложения в египетском языке (и в семитских языках) демонстрирует удивительную устойчивость по сравнению с динамично развивающимся глагольным и даже наречным предложением. Но как выглядела эта структура в реальности в том же староегипетском, мы не знаем до сих пор. Негласно исходят из того, что она не отличалась от древнейшей индоевропейской (см. работы А. Мейе), где главные члены маркировались флексией номинатива. Но так ли это?

11. Несмотря на полемику по важнейшим вопросам египетского синтаксиса, взгляды Х. Я. Погоцкого и Э. Х. Гардинера, приведшие к переоценке удельного веса наречных конструкций в египетском языке, развивались во взаимодействии (см., например, ссылку Х. Я. Погоцкого [Polotsky 1971, 91 = 1965, 21] на § 461 грамматики Э. Х. Гардинера, приведенной выше: «*This explanation is perfectly plausible and no different explanation seems to be needed for jw* (Gardiner § 461»). Так или иначе, но наличие именного, глагольного и наречного предложений признавалось.

Тем не менее, переоценка роли наречного предложения как бы дополнительно подготовила почву к еще одной переоценке: «*Nach den Untersuchungen Polotskys liegt nämlich sicher einem Teil der sog. Verbalsätze, und zwar denen mit emphatischen Formen, auch ein Adverbialsatz zugrunde, und hier soll durch schrittweise Eingliederung der restlichen Teile gezeigt werden, daß den Verbalsätzen kein eigener Satztyp zuzuordnen ist*» [Junge 1978, 19] (разрядка автора, курсив наш. — А. Ч.).

Используя метод трансформационного синтаксиса в интерпретации Наума Хомского, Фридрих Юнге пришел к выводу: то, что Х. Я. Погоцкий рассматривает как предложение наречного типа,

следует реинтерпретировать как предложение именного типа. Более того, произведя тщательный анализ большого числа египетских моделей различных предикативных конструкций, он пришел к выводу поистине революционному: *решительно все синтаксическое богатство литературного среднеегипетского языка сводится к маркированному и немаркированному подтипу именного предложения* [Junge 1978, 127 ff.].

Найти доминанту в системе — мечта любого исследователя. В этом отношении стремление автора вполне понятно. Но такая позиция все же не нашла полного признания, причем даже у тех, кто симпатизировал ей. Отнюдь не случайно В. Шенкель [Schenkel 1990, 137 ff.] предпочитает говорить о «*die nominal-adverbiale Prägung des Ägyptisch-Koptischen*» (ср. [idem 1975; 1978]).

Несколько не умаляя достоинств исследования Ф. Юнге, заметим, что оно лишь по-новому и наиболее наглядно демонстрирует то, что уже давно «носилось в воздухе», а само появление такой точки зрения можно признать вполне закономерным и во многом подготовленным предшествующими исследованиями целого ряда авторов. Выводы Ф. Юнге формально подтверждаются хотя бы таким набором фактов:

1) основа форм посессивного (притяжательного) спряжения может быть воспринята как некое «имя действия» [Schenkel 1975];

2) египетская финитная форма качества и состояния родственна арабскому перфекту, эблайтскому и аккадскому стативу, а последний уже рассматривался как самое настояще именное предложение [Buccellati 1968];

3) египетские предлоги ведут себя как имена в том смысле, что практически от всех легко образовываются относительные прилагательные [Четверухин 1975];

4) то, что по традиции рассматривается как «истинное именное предложение» или «именное предложение с именными подлежащим и сказуемым», имеет высокий удельный вес в египетских текстах.

Уже из этого перечня следует, что:

1) синтаксические отношения внутри предикативных синтагм с финитным глаголом или с наречным сказуемым близки к тем, которые существуют между конституентами «истинного именного предложения», и в свою очередь восходят к каким-то иным, которые и предстоит выяснить;

2) в силу этого именное предложение в любом случае играет особую роль, смысл которой далеко не ясен;

3) в любом случае проблема выходит за рамки египетской филологии.

Подход к решению этих проблем и предстоит определить в нашей серии исследований.

12. Но вот здесь-то необходимо вернуться к п. 3 выше. Дело в том, что понятием «именное предложение» придется оперировать на протяжении всего исследования. Но возможно ли это, если как его дефиниция, так и смысл представляются вовсе не бесспорными, а происхождение — уж и совсем каким-то загадочным?! Традиционные египтологические определения именного предложения дискредитированы исследованием Ф. Юнге. Отнюдь не выручает и внешне четкое определение Антуана Мейе, ибо применяется оно по отношению к индоевропейскому материалу, для которого такой тип предложений либо вообще не признается «молчаливым большинством» исследователей, либо такая конструкция (и не без оснований) рассматривается как своеобразная модификация глагольного предложения, где имя является лишь «смысловой» частью составного именного сказуемого с пропущенным бытийным глаголом. Так подходят даже к красноречивому материалу балтских и восточнославянских языков. Слабым местом в работе А. Мейе является и то, что он сам признает, что данный термин с присущим ему содержанием позаимствован из «семитской грамматики» [Meillet 1906, 1]. Последнее обстоятельство никак не способствует ни пониманию истинного содержания данного термина применительно к некоему «семитскому языку» — первоисточнику, ни, тем более, выяснению истинного источника данного термина. Позволительно задаться вопросом: какую же именно «семитскую грамматику» имел в виду А. Мейе и на какое именно определение он ориентировался?

13. Вопрос этот отнюдь не праздный. Если автор имел в виду, например, арабскую грамматику, причем «грамматику» как некое описание, а не «грамматику» арабского языка как лингвистический материал (все это совершенно не яствует из статьи А. Мейе), то, по не столь уж безосновательному уверению европейских арабистов (а на этом они настаивают и по сей день, давая определение именного предложения в университетах), в арабской национальной грамматике «именным предложением» называется такое, которое начиналось с имени и продолжалось чем угодно, в том числе и финитной формой глагола. Но вот такое определение «именного предложения» решительно расходится с толкованием его у А. Мейе и его последователей. Без выяснения причин такого резкого расхождения дальнейшее исследование в интересующем нас направлении было бы не просто недобросовестным, но и невозможным, в лучшем случае — чреватым созданием очередной научной фикции, ибо невозможно возводить исследование «на песке» двойственного

определения с диаметрально расходящимся содержанием. Тем более нельзя пытаться в обход этой нерешенной задачи создать более обширное построение, где «именное предложение» со всей его «атрибутикой» — не цель, а средство. Кому-то достаточно «авторитетного определения». Автору — нет.

14. Забегая вперед, скажем, что даже для выяснения такой (с виду простой) задачи потребуются значительные усилия. Ради достижения результата нам придется пробиваться в направлении, обратном хронологическому, через вереницу «глухих сносок», недоговоренностей, а то и просто фальсификаций, пока мы не доберемся до первоисточников искомого определения и не установим его подлинный смысл. И если у читателя нет вкуса к текстологическим исследованиям, если ему безразлична история лингвистических учений, эта часть работы ему покажется наверняка ненужной и скучной.

15. Анализ европейских источников уже представляет существенные трудности. Но это пустяки в сравнении с тем, что начнется при анализе средневековых арабских авторов. И если на этом пути нам все же улыбнется удача — об этом судить читателю, — то лишь благодаря опыту, приобретенному при анализе трудов европейских филологов, и, — что гораздо важнее, — благодаря навыку чтения египетских текстов, в особенности Текстов пирамид, требующих умения читать в строке, выше строк, ниже строк, за строками и между строк одновременно.

Оформление исследования. Для решения задачи, поставленной в данной монографии, используется метод текстологического анализа. Это вызывает необходимость приводить анализируемые места *in extenso* дабы дать читателю возможность максимально объективного суждения о качестве делаемых выводов. Широко распространенное краткое и сверхкраткое цитирование обычно приносит больше вреда, чем пользы, привнося искажения и давая простор для манипуляций с источником. Учитывается и то обстоятельство, что многие источники представляют собой библиографические рапорты, хранящиеся в наших библиотеках в считанных экземплярах, а то и в единственном, в том числе и у самого автора данной монографии, за что он благодарен европейским коллегам. Это, впрочем, не относится к ряду источников, в том числе к работе Б. М. Гранде [1963]. Но из-за ухудшающейся работы библиотек и уменьшения доступа к литературе — в особенности для молодых коллег — приходится обильно цитировать даже такие источники.

Методика текстологического анализа предполагает приведение важнейших мест в оригинале, особенно если речь идет о сопоставлении источников или сохранении оригинальной терминологии, не имеющей устойчивых соответствий. Впрочем, работа рассчитана

на читателя, который может прочесть текст на основных европейских языках. Цитаты второстепенного значения даются в переводе, как и те, что не содержат особой специфики.

Выдержки из сочинений европейских авторов приводятся в оригинальной орфографии, которая, как известно, претерпевала изменения. Это же касается транслитераций и транскрипций форм и конструкций, взятых из египетского и арабского. Естественно, что в комментариях к цитируемому автору мы стремились сохранить его собственную передачу используемых им форм и конструкций с тем, чтобы читатель не утруждал себя утомительными сопоставлениями передач цитируемого автора с таковыми автора данного исследования. От идеи какой-либо унификации мы решительно отказываемся.

Как можно заметить выше, способы передачи египетского текста в трудах египтологов несколько расходятся. Не меньше расхождений наблюдается, пожалуй, при передаче арабского текста. В работах отечественных египтологов встречается транслитерация кириллицей. Еще большее распространение кириллическая транскрипция получила в трудах отечественных арабистов. При всем нашем стремлении ориентироваться на принципы передачи арабского текста по методу И. Ю. Крачковского, в ряде случаев мы вынуждены отступать и от них по компромиссным соображениям.

Часто фигурирующие арабские грамматические термины мы «русифицируем» для удобства. Это имеет место в речи отечественных арабистов и постоянно просачивается в литературу.

Любой вид транскрипции и транслитерации условен и внутренне противоречив, как и система письма, применяемая в отношении того или иного языка. К проблематике см., например, [Амирова 1977; 1985]. Применительно к древневосточным языкам положение усугубляется тем, что как их системы письма, так и фонологические системы все еще находятся в процессе изучения. Этот сюжет затронут во введении ниже.

Композиционно мы стремились к максимальной последовательности и логичности, строя изложение по ходу мыслей и по возможности не забегая вперед. Мнимым противоречием является «вклинивание» разд. IV между III и V. Уверяем, иначе поступить было нельзя.

Может возникнуть впечатление, что часть информации является избыточной. Это зависит от вкусов читателя. Автор, однако, полагает, что в науке, как и в жизни, лишней информации не бывает, бывает ее недостаток.

Содержание мы стремились построить так, чтобы оно максимально подробно отражало структуру работы. Это диктуется тем,

что целый ряд лингвистических сюжетов рассыпан по комментариям. В противном случае читатель не сможет ориентироваться в таком объемном и разнообразном материале. По содержанию читатель сможет легко определить, какие главы или разделы ему интересны, какие нет, да и вообще, стоит ли знакомиться с такой монографией.

Автор старался по возможности пользоваться нейтральным стилем. Но в ряде случаев пришлось прибегнуть и к эмоциональному. И это не только потому, что он ему присущ, но, во-первых, чтобы разрядить монотонность и утомительность нейтрального стиля, во-вторых, чтобы выразить свое отношение к источнику, если он того заслуживает. В частности, излишняя дипломатичность может создать иллюзию согласия с по сути некорректными выводами предшественников. В таких случаях мы предпочитаем писать: «неверно», «неправильно» и т. д., поступая так отнюдь не по принципу *«dixi et animam levavi»*, но только в тех случаях, когда недоброкачественность источника очевидна. Равного ожидаем и в отношении своей работы.

Культура... Преемственность... Высокие слова. Мы часто забываем об их истинном смысле в ходе лингвистической полемики. Забвение истории или нежелание разобраться в ней бьет по нам же самим. Это часто демонстрируют источники, анализируемые в гл. III.

При всем нашем желании мы не могли бы себе позволить изложить это исследование «телеграфным стилем», в котором «набили руку», публикуя статьи в малотиражных сборниках со строго лимитированным объемом. Это привело бы к еще большей «туманности изложения». Равным образом, автор не может поступиться многими замечаниями и комментариями, отсутствие которых обеднило бы содержание исследования.

В заключение автор хотел бы подчеркнуть, что он с благодарностью примет любую конструктивную критику, прекрасно сознавая, что работа не лишена недостатков, которые не видны автору, но прекрасно видны со стороны. Могу лишь сказать: *feci quod potui, faciant meliora potentes*.

cluding nunation/mimation, gender and case markers, and some others, the work having been done rather insufficiently up to now.

As to Egyptian, a would-be reconstruction should deal not only with ancient semantics of the markers in question, but to a not lesser degree with proposed phonetical value of them at the Old Stage. All this would be quite impossible without due regard of achievements of theoretical as well as Afrasian linguistics.

In other words, it is necessary to fill up one of gaping lacunae in our conceptions about the prehistory of Afrasian languages on the whole, and that of Old Egyptian in particular. Although, in I. M. Diakonoff's opinion, «Egyptian being the sole language of that family, I cannot reconstruct a proto-stage of that family» [Diakonoff 1991/1992, 9], we would endeavour to reconstruct the very stage of Egyptian as far as possible, at least some characters thereof. An outline of «Proto-Egyptian», or «Preegyptian» grammar is meant to be reconstructed therewith as an abstract model of a prehistorical language imagined like a «dialect» in a prehistorical linguistic continuum of that region.

The reconstruction of the kind is obligate first of all for Egyptian proper. Needless to say, however, that it is not unnecessary for Old Semitic grammar as well, since there are many a question to be solved. The reconstruction has two general aspects — the so-called pragmatical and dogmatical ones. The first one is to be understood in the sense of practical meaning, the second — that of theoretical. In the first sense it is taken as a moment of common efforts on vocalization of Egyptian word-forms. In the second it should be used for more precise determination of the Old Stage Egyptian language position within the frame of the theory of contentive (i. e. content-oriented) typology elaborated by Soviet linguistics. The latter concerns also the Old Stage Semitic languages grammar, where, in particular, the «nominative case» is not so in «Indoeuropean sense» of the term «nominative». Without reconstruction in question, any subsequent attempt to understand a number of features of the grammatical structure of these languages more adequately and profoundly is simply doomed to fail, or will get less and less effective at best.

The most archaic, peculiar and uncertain is known to be Egyptian, on the base of which the author is just going to operate. The task however being hardly feasible for one researcher, the author does not indulge in illusions at all. He simply hopes that the theme would give an impetus to keen discussion. That will do.

The author is of opinion, which seems to be rather common, that it is the sentence that possesses of complete and self-sufficient sense as compared to the lexeme or word-combination. The sense of the sentence, in its turn, is composed of the semantics of root morphemes in-

SUMMARY

Having published some 50 papers on various aspects of Egyptian grammar, the author is venturing to offer a book representing the first volume of the first part of a monographic series entitled «Old Afrasian Nominal Sentence: Problems of Analysis and Reconstruction», the first part being named «Formation of the Term «Nominal Sentence»», the first volume thereof «The History of the Term «Nominal Sentence»» respectively. A method of analysis on various levels of syntactic structure would be used in the following parts of the series. Some methods of morpho-syntactic reconstruction are planned to be applied at the final stage. It is a morpho-syntactic reconstruction that is the ultimate aim of the whole investigation, bearing in mind an utterance by T. Givón: «morphology is the archaeology of syntax». So, the author's interest is mainly centered on correlations between different syntactic relations and the ways they could be realized in Old Egyptian and Old Semitic.

As basic materials taken herefore are multiple linguistic data of old-established literary Afrasian languages of Ancient (or simpler Old) Stage of historical development (the above terminology is taken after I. M. Diakonoff [1984; 1988, 17], such as Old and (to a certain degree) Middle Egyptian, Old Akkadian, Eblaite and Classical Arabic. The other languages of this Super-Family or Phylum (it does not matter here) provide only some additional materials, these languages being on later stages of development for the most part.

Morpho-syntactic reconstruction could be therefore conducted mainly in relation to Old Semitic languages and to Egyptian of Old Stage. Whatever it may be, it should quite inevitably bear specific characters depending, first of all, on the level of our real possibilities for philological and linguistic penetration into the linguistic structures analyzed, then according to somewhat diverse final purposes in both cases: for Egyptian and for Semitic respectively.

As regards Semitic material, it seems necessary to reconstruct the most ancient semantics for external (outer) morphological markers in-

volved, on the one hand, and/or that of a set of grammatical morphemes, on the other, if we are dealing with such languages as Indo-European or Afrasian ones. It is only in the sentence that the set of grammatical morphemes could be realized in its entirety. The way to the above mentioned morphosyntactic reconstruction should go through versatile syntactic analysis of possibly simplest predicative syntactic patterns of the sentence. Non-predicative patterns would be also involved if needed. Thus, the sense of the sentence is the only referencepoint for the author, just as the logic is the only instrument for analysis and synthesis, as well as for mental awareness after all. As a starting-point for investigation we should choose the nominal sentence construction as meeting the requirements above.

It is in this connection that a modern syntactic theory is to be mentioned. Thus, according to [Junge 1978], all the types of Egyptian sentence patterns may well be reduced to two subtypes of a single one type, namely to «nominal sentence». F. Junge defines them respectively as «marked nominal sentence» and «unmarked nominal sentence». Since the theory advanced by F. Junge has not been disproved as yet, it seems necessary, first, «to dig up to the roots» of the theory, second, to analyze the nominal sentence itself, and then, proceeding therefrom, to draw in the analysis of such types of the sentence as verbal and adverbial ones according to old-established syntactical classifications in Egyptian grammar.

Right here questions inevitably arise; What is «nominal sentence»? How to understand this term, somewhat uncommon?

Such questions seem to be naive only for the first glance. There are at least three possible answers to them in linguistics:

1. It is a sentence consisting of a single noun.
2. It is a sentence consisting of two nouns (in functions of subject and predicate resp.).
3. It is a sentence beginning with a noun, and that's all. It doesn't matter, wherewith it may be continued.

Thus, it is not so easy to resolve the problem. Anyhow, no studies on a certain problem can do without a terminological definition of the main object to be analyzed. If it happens now and then, it is a serious fault of its author. Moreover, it is not the case when one or another definition may be simply relied upon. At least, what does it mean, such a dubious co-existence of the three obviously diverging definitions of possibly one and the same object, or that of the three obviously resembling definitions of quite different objects in linguistic theory? Isn't it the high time to put an end to the obscurity when speaking about «nominal sentence»?

In order to make a true choice, it is in the first part of the series that we have had to trace the way of development of the term «nominal sentence» in a direction reverse to the chronological order of its usage, i.e. from its use in the most authoritative sources of the XXth century and back to original sources of the term in the National Arabic grammar tradition. Believing the solution of the problem to be a matter of principle, the author would hope that his work present certain interest not only for specialists in Afrasian linguistics.

While studying the problem within the frame of the first volume, the author has arrived at a conclusion that the first meaning was attached to the term in the philological works of the XIXth—the first half of the XXth century, where the «nominal sentence» is equivalent to «one-membral nominative sentence» nowadays.

The second meaning was gained by A. I. Silvestre de Sacy, T. Nöldeke, C. Albrecht, B. Stade and H. Reckendorff, who made for the common impression of the use of the term «ğumlatun ismiyyatun» in the National Arabic grammar tradition. None of them, however, dared to assume the responsibility for proving the accuracy of the term uncritically borrowed. An impression imposes itself that everyone went his own way in obtaining the second meaning of the term instead of studying the original sources.

The third meaning is typical of traditionalistic European Arabistics.

We hope to have demonstrated that the second meaning of the term in question was at least also in current use in National Arabic grammar tradition. Such conclusion was arrived at on the base of textological analysis of some passages of al-Muṭarrizi's grammatical treatise.

For the definition of nominal sentence to be identified as monosemantic in the National Arabic grammar tradition, the work should be continued in the second volume of the first part of the series announced. Any polysemy of the term is to be excluded thereby once for ever.

А. С. ЧЕТВЕРУХИН
ДРЕВНЕЙШЕЕ АФРАЗИЙСКОЕ ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И РЕКОНСТРУКЦИИ

Часть I

Становление термина «именное предложение»

Том I

История термина «именное предложение»

Научное издание

ISBN 978-5-85803-356-1

Редактор — Е. П. Сидоркина
Корректор — Н. И. Певчая-Бок
Технический редактор — Т. В. Чудинова

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 15.07.2007
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Объем 18,25 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 641

PRINTED IN RUSSIA
ОТПЕЧТАНО В РОССИИ
в типографии ООО «Нестор-История»
Tel. (812) 622-01-23

Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»

founded in 1992

in 2003 was included into

«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»

Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152

Phone, fax: 007-812-315-22-77

E-mail: pvcentre@mail.ru Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

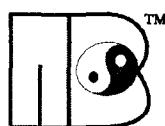
Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «*Koran and Its World*» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «*Quran of 'Uthman*»).

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Образовано в 1992 году

В 2003 году внесено

в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»

Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111

Телефон, факс: (812) 315 2277

E-mail: pvcentre@mail.ru. Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно в области *традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitas», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу Е. А. Резвана «Коран Усмана»).